ВИКТОР ГЮГО.

ЛЕГЕНДА
О ПРЕКРАСНОМ ПЕКОПЕНЕ И О ПРЕКРАСНОЙ БОЛЬДУР.

«АЛКОНОСТ»

Ю.А.

15-ая Государственная типография
Петроград, Звенигородская, 11.

ВИКТОР ГЮГО.

ЛЕГЕНДА
О ПРЕКРАСНОМ ПЕКОПЕНЕ И О ПРЕКРАСНОЙ БОЛЬДУР

Перевод
А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

С предисловием
АЛЕКСАНДРА БЛОКА

АЛКОНОСТ

ПЕТЕРБУРГ
1919

Не все ли равно, когда написана эта благоуханная легенда? Гюго писал ее «для внуков своего друга, у стен разрушенного замка, под диктовку деревьев, птиц и ветра, срывая от времени до времени цветок павилики». Я думаю, что она понятнее и нужнее взрослым. Это—один из последних нежных цветков Старой Европы; свежее дуновение того романо-германского мира, который в наши дни уже весь закован в железо.

Если братьям Гриммам и даже Гейне еще удавалось находить иногда некошенные луга народной поэзии, то Гюго срывал уже последние цветы на берегах Рейна. В верховьях его забыли о герое; воспоминания о Зигфриде предстали в уродливом и искаженном виде на плоских полях Пруссии. В его низовьях мимо скалы Лорелей стал ежедневно ходить пароход с новобрачными и туристами. Метерлинку

осталось только его собственное воображение для того, чтобы будить отдаленную память о средних веках. Воображение уже блеклое и усталое.

Память у Гюго свежее и здоровее. И я не знаю, кто из них больше помог мне полюбить средние века в дни моей молодости, с которой связана для меня эта легенда.

Александр Блок.

Декабрь 1918 г.

ЛЕГЕНДА
О ПРЕКРАСНОМ ПЕКОПЕНЕ И О ПРЕКРАСНОЙ БОЛЬДУР.

1

ЛЕГЕНДА.

Прекрасный Пекопен и прекрасная Больдур любили друг друга. Отец Пекопена был бургграфом Соннека, отец Больдур — владыкой Фалькенбурга. У одного — лес. У другого — гора. Сочетать гору с лесом — самое простое дело. Родители сговорились и обручили Больдур с Пекопеном.

В день обручения, в этот апрельский день, бузина и боярышник начали раскрывать солнцу свои цветущие сердца; тысячи мелких водопадов, снег и дождь, претворившиеся в ручьи, зимние ужасы, преобразившиеся в весенние утехи, звучно прыгали по уступам, и любовь, этот апрель человека, пела, цвела и сияла в сердцах жениха и невесты.

Отец Пекопена, доблестный престарелый рыцарь, честь Нахегау, вскоре после

помолвки скончался. Перед смертью он благословил сына и завещал ему любить и беречь Больдур. Пекопен плакал, потом, от могилы, где скрылись останки отца, перевел глаза на светлое лицо невесты, и утешился. Кто станет вспоминать о закатившемся солнце, когда восходит месяц?

Пекопен отличался всеми достоинствами благородного рыцаря, юноши и человека. Больдур — королева в замке, святая дева в церкви, нимфа в лесу, фея за работой.

Пекопен был заправским охотником, Больдур — образцовой пряхой. Веретено и охотничья сумка живут в согласии. Пряха прядет, охотник охотится. Его нет—прялка гонит тоску и скуку. Гончая стая заливается вдали, звуки охотничьего рога чуть доносятся из глубины зарослей, неясный говор трубы говорит чуть слышно: «Думай о милом». Прекрасная мечтательница опускает глаза к колесу прялки, и прялка твердит своим строгим голоском: «Думай о муже». А когда муж и милый—одно, все идет прекрасно. Перевенчайте пряху с охотником и будьте покойны за их будущее.

Надо признаться, однако, что Пекопен уж слишком любил охоту. Когда, с соко-

лом на руке, он садился на лошадь и следил глазами за полетом кобчиков, а в это время раздавалось тявканье его кривоногих ищеек, он срывался с места, летел, забывал все на свете. Между тем, увлекаться никогда не следует. Счастье дается умеренным. Держите в равновесии ваши вкусы и на привязи — аппетиты. Кто слишком увлекается лошадьми и собаками, гневит женщин; кто слишком увлекается женщинами—гневит Бога.

Как только Больдур, а это случалось частенько, как только Больдур увидит, что Пекопен собрался и уже сидит на лошади, а конь ржет от радости, гордясь своим всадником, точно он несет самого Александра Великого в его царственных доспехах; как только она увидит, как Пекопен ласкает коня, как он треплет его по шее, кормит из рук свежей травой, и даже шпору отодвигает, чтобы как-нибудь его не задеть, Больдур начинает ревновать к коню. Как только Больдур, эта гордая и благородная госпожа, это светило любви, красоты и юности, как только она увидит, как Пекопен ласкает своего дога, как он любовно прижимает свое прекрасное и

мужественное лицо к этой плоской голове, к этим широким ноздрям, висячим ушам и черной морде, Больдур начинает ревновать к собаке.

Гневная и печальная, она уходит в потаенный покой и плачет. Потом, бранит служанок, бранит карлика. Ведь женский гнев все равно, что лесной дождь. Он падает дважды. Двойной дождь.

Пекопен возвращался по вечерам запыленный и усталый. Больдур надувала губы, пробовала роптать. В ее голубых глазах блестели слезы. Но Пекопен целовал ее маленькую руку, и она замолкала. Пекопен целовал ее прекрасный лоб, и она начинала улыбаться.

Прелестный лоб Больдур был белоснежен и чист, как слоновая кость на охотничьем роге Карла Великого.

Потом она уходила в свою башенку, Пекопен уходил в свою. Она не позволяла рыцарю обнимать себя за талию. Один раз, когда он слегка пожал ей локоть, она вспыхнула. Больдур была невеста, не супруга. Стыдливость в женщине—то же, что доблесть в мужчине.

II

ПТИЦА ФЕНИКС И ЗВЕЗДА ВЕНЕРА.

Они обожали друг друга.

У Пекопена, в его оружейной зале, висела золоченая живопись с изображением неба и девяти светил. Каждая планета имела присущий ей цвет и название, написанное сбоку красной краской. Сатурн был свинцово-белый; Юпитер—светлый, но пылающий с кровавым оттенком; Венера—ослепительная; Меркурий — искристый; Луна — леденисто-серебряная, и Солнце — ликующее огненное пламя. Пекопен стер название подле Венеры и написал на его месте: Больдур.

У Больдур, в ее покоях, на тканых обоях, изображена была птица величиною с орла, с золоченым обручем на шее. Птица была пурпуровая с пышным пестрым хвостом и с султаном из перьев на голов-

ном гребне. Сверху, над этой дивной птицей, мастер написал греческое слово: Феникс. Больдур стерла название и на его месте вышила: Пекопен.

День венчания приближался. Пекопен был весел, Больдур—счастлива.

В Соннеке, на охотничьем дворе, отличался в то время один ловчий, смышленый, дерзкий и хитрый молодец по имени Эрилангус. Был он когда-то завидным стрелком и считался желанным женихом у девушек Лорха. Но от брака отказался, а вместо того стал ходить за собаками. Как-то раз Пекопен его спросил, почему он так сделал. «У собак семь родов бешенства, государь, а у женщин—целая тысяча». Так ответил Эрилангус. Когда же он узнал о свадьбе, он явился к Пекопену незваный и непрошеный и спросил его дерзновенно: «Что это вам вздумалось жениться, государь?» Пекопен прогнал этого человека.

Это его беспокоило. Эрилангус был хитер и злопамятен. Но случилось так, что он отправился ко двору маркиза Люзаса, поступил туда главным охотником, и Пекопен больше о нем не слышал.

До свадьбы оставалась неделя. Больдур пряла в амбразуре окна, сидя на стуле с высокой резной спинкой. Карлик пришел доложить, что Пекопен поднимается по лестнице. Она собралась бежать навстречу жениху, встала со стула, запуталась ногой в пряже и упала. Бедняжка поднялась. Она не чувствовала боли, но вспомнила, что то же случилось когда-то с принцессой Либой, и у нее сжалось сердце.

Но вошел сияющий Пекопен. Он стал говорить ей о свадьбе и о счастье. И облако, затуманившее ее душу, улетело.

III

ГДЕ ГОВОРИТСЯ О ТОМ, В ЧЕМ СОСТОИТ РАЗНИЦА МЕЖДУ СЛУХОМ ЮНОШИ И СЛУХОМ СТАРИКА.

На другой день Больдур пряла в своей комнате, а Пекопен охотился в лесу. Он был вдвоем с собакой и шел, куда его вела охота. Так добрался он до фермы, стоявшей на опушке Сонского леса и на границе владений Сонека и Фалькенбурга. С востока ферму осеняли огромные деревья, четыре дерева, ясень, вяз, ель и дуб. В стране их называли четырьмя евангелистами. И были они волшебные. Когда Пекопен проходил под тенью четырех деревьев, на каждом из них сидело по птице. На ясени скворец, на вязу—дрозд, на елке—сорока, на дубе—ворон. Пернатые перекликались и как-то странно переговаривались между собой. Откуда - то,

должно быть из леса, доносилось воркованіе голубя и клохтанье курицы, которая повидимому ходила по двору фермы. В нескольких шагах, старый сгорбленный старик складывал вдоль стены сухие бревна для зимнего топлива. Заметив Пекопена, он выпрямился и обернулся:

— Господин рыцарь, вы слышите, что говорят птицы?

— Батюшка, какое мне дело?

— Нет, государь, на молодой слух дрозд свищет, скворец лопочет, сорока стрекочет, а ворон каркает, а на старый слух—птицы говорят.

Рыцарь рассмеялся:

— Вот так бредни!

Но старик принял серьезный вид:

— Вы ошибаетесь, сир Пекопен.

— Откуда вы знает мое имя? Вы видите меня в первый раз в жизни!

— Ваше имя повторяют птицы.

— Вы старый безумец, батюшка.

И Пекопен отправился дальше.

Спустя около часа, проходя через поляну, он услышал звуки рогов и увидел в лесной чаще группу прекрасных кавалеров. Это пфальцграф отправлялся на

охоту вместе с бургграфами, хозяевами замков; с вальдграфами, хозяевами лесов; с ландграфами, хозяевами земель; рейнграфами, хозяевами Рейна, и рографами, хозяевами кулачного права. Гайрефруа, вельможа из свиты пфальцграфа, заметил Пекопена:

— Гола, прекрасный охотник! Поедем с нами!

— А куда вы едете?—спросил Пекопен.

— Мы выехали на коршуна, который завелся в Геймбурге и бьет наших фазанов; на ястреба, который поселился в Ваугтсберге и губит наших балабанов; на орла, который живет в Рейнштейне и истребляет наших кобчиков. Поедем с нами.

— А когда вы думаете вернуться?

— Завтра.

— Я за вами.

Охотились три дня. В первый день Пекопен убил коршуна, на второй—ястреба, на третий—орла.

Пфальцграф дивился на чудного стрелка.

— Рыцарь Соннека,—сказал он Пекопену,—дарю тебе Ринекский лен, подчиненный моей Гуттенфельдской башне. Ты последуешь за мной в Стаалек; там получишь

жалованное и примешь присягу на публичной площади, и в присутствии главных чинов;—in mallo publico et coram scabinis,—как гласят хартии святого монарха нашего Карла Великого.

Пришлось покориться. Пекопен отправил Больдур послание, где грустно извещал ее о милостивой воле пфальцграфа, понуждавшей его немедленно спешить в Стаалек по одному очень важному и очень серьезному делу:

— Будьте покойны, владычица души моей, я вернусь через месяц.

Посол уехал. Пекопен последовал за графом и лег спать вместе с рыцарями его свиты в низеньком помещении кастелянства Баккара. Ночью он увидел сон. Ему приснилась опушка Сонского леса, ферма, четыре дерева и четыре птицы. Птицы не кричали, не свистали и не пели. Они разговаривали. Их щебет, с которым смешивались голоса голубя и курицы, обратился в странные переговоры, вполне понятные спящему Пекопену:

Скворец.

В лесу—голубь.

Дрозд.

На дворе—кура
Клохчет «Пекопен».

Скворец.

Голубь говорит «Больдур».

Ворон.

Рыцарь—в дальний путь.

Сорока.

Дама—у себя.

Скворец.

Вернется ли он
из Даменгура?

Дрозд.

Из Алеппо и Феца?

Сорока.

Голубь сказал «Да».
«Нет», говорит кура.

Кура.

Пекопен! Пекопен!

Голубь.

Больдур, Больдур, Больдур!

Пекопен проснулся в холодном поту. Ему вспомнился старик, и на него напал необ'яснимый ужас и от сна, и от птичьих разговоров. Потом он старался понять, но не понял ничего и заснул. А когда, нако-

нец, рассвело, и взошло чудное солнце, которое гонит злых духов, развевает сновидения и золотит туманы, он забыл и думать о четырех деревьях и о четырех птицах.

IV

КАЧЕСТВА, ПРИГОДНЫЕ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ ПОСОЛЬСТВ.

Пекопен славился своим добрым именем, знатностью рода, умом и красотою. Попав ко двору пфальцграфа, он до того ему понравился, что этот достойный принц в один прекрасный день обратился к нему с такою речью:

— Другъ, я отправляю посольство к моему Бургундскому кузену и выбираю тебя послом, так как ты известен своим добрым именем.

Пекопену пришлось исполнить волю своего владыки. В Дижоне Пекопен до того поразил всех своим несравненным красноречием, что в один прекрасный вечер, опорожнив три об'емистых стакана вина, герцог обратился к нему с такою речью:

— Сир Пекопен, вы нам друг, а у меня завелись кое-какие счеты с его величеством королем французским и, с разрешения пфальцграфа, я выбираю вас послом, зная ваше именитое происхождение.

Пекопен отправился в Париж. Королю он чрезвычайно понравился, и в одно прекрасное утро, отведя его в сторонку, король обратился к нему с такою речью:

— Если пфальцграф согласился уступить вас бургундскому герцогу на услуги Бургундии, клянусь честью, бургундский герцог не откажется уступить вас королю Франции ради святого христианского дела. Мне нужен знатный и благородный рыцарь, сир Пекопен, кто-нибудь, кто мог бы с'ездить в Испанию и сделать от моего имени кое-какие замечания мавританскому мирамолину. Я выбираю вас послом за ваш неоцененный ум.

Императору можно отказать, если ему понадобится ваш голос; и папе можно отказать, если ему потребуется ваша жена; но королю Франции ни в чем не отказывают. Пекопен отправился в Испанию. В Гренаде он был превосходно принят мирамолином, который пригласил его на все

празднества Альгамбры. Здесь каждый день устраивались пиры, состязания на дротиках и на копьях, соколиные охоты. Пекопен принял участие во всем, как известный борец и знаменитый охотник. У смуглого мирамолина были превосходные балабаны, отменные кобчики и соколы. Его птичьи охоты славились повсюду.

Но Пекопен не забывал поручений французского короля, и когда все дела были покончены, рыцарь явился к султану, собираясь распрощаться.

— Да, господин христианин, — сказал мирамолин, — нам с вами придется расстаться, так как вы сию же минуту должны выезжать в Багдад.

— В Багдад!—вскрикнул Пекопен.

— Ну, да, не могу же я подписать договор с владыкой Парижа без согласия владыки правоверных, багдадского калифа. И для этого мне нужно выдающееся лицо. Вы хороши собой, и я назначаю вас послом за вашу красивую наружность.

Раз попав к маврам, приходится делать то, что они приказывают. Мавры — собаки и неверные. Пекопен отправился в Багдад.

Однажды, когда он проходил мимо стен Сераля, его заметила любимая султанша, а так как он был красив, печален и горд, она тотчас же в него влюбилась. Султанша подослала к нему черную невольницу, которая завела с ним разговор в городском саду, под большой липой, растущей там и по сие время. Невольница передала ему талисман: «Вот, сказала она, этот талисман посылает вам одна влюбленная в вас принцесса. Вы ее никогда не увидите. Смотрите же, берегите его хорошенько. Пока вы будете его носить, вы не состаритесь. Когда же вам будет угрожать опасность, троньте его рукой, и он спасет вас».

Пекопен, на всякий случай, принял талисман; это была прекрасная бирюза с вытесненными на ней неизвестными буквами. Он прикрепил ее к цепи, которую носил всегда на шее.

— Теперь, милостивый господин,—прибавила, покидая его, невольница,—не забывайте одной важной вещи: пока вы носите на шее эту бирюзу, вы не состаритесь ни на один день, но, если вы ее потеряете, вы состаритесь сразу за все прожитые годы

вашей жизни. Прощайте, прекрасный гяур!— И она удалилась.

Но калиф видел, как невольница любимой султанши разговаривала с христианским рыцарем. Калиф был страшно ревнив, и был он немножко волшебник. Заманив Пекопена на праздник и пользуясь пришествием ночи, он свел его на высокую башню, где, остановившись у низенького парапета, завел такую речь:

— Рыцарь, палатинский граф послал тебя к бургундскому герцогу за доброе имя; герцог бургундский послал тебя к французскому королю за родовитое происхождение; король французский послал тебя к мирамолину за неоцененный ум; гренадский мирамолин послал тебя к багдадскому калифу за красивую наружность. А я, за имя, за знатный род, за ум и за красоту, посылаю тебя к чорту!

И с этими словами калиф изо всех сил толкнул Пекопена. Пекопен потерял равновесие и полетел с высоты башни.

V

БЛАГИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БЛАГИХ МЫСЛЕЙ.

Когда человек падает в пропасть, яркая молния поражает его зрение и на мгновение освещает ему жизнь, которую он покидает, и смерть, к которой он стремится. В это роковое мгновение обезумевший Пекопен послал свою последнюю мысль Больдур и положил руку на сердце. Этим жестом он нечаянно тронул талисман. Как только пальцы его коснулись магической бирюзы, он почувствовал, что его несут невидимые крылья. Он перестал падать. Он парил в воздухе. Так пролетал он всю ночь. На рассвете невидимая рука, которая его поддерживала, опустила его на песчаную отмель, у морского берега.

VI

ИЗ КОТОРОЙ ВИДНО, ЧТО И ЧОРТУ НЕ СЛЕДУЕТ ЖАДНИЧАТЬ.

Как раз в это время с чортом приключилась неприятная и непонятная история. Чорт имеет обыкновение утаскивать грешные души в большущей корзине. Это можно видеть на дверях фрибургского собора в Швейцарии. Здесь он изображен со свиной головой, с крюком в руке и с корзиной тряпичника за плечами; ведь сатана выискивает и подбирает души злых людей в кучах тех нечистот, которые складывает человеческий род на углах всех великих божеских и человеческих истин. Чорт корзинки не закрывал и, благодаря небесной хитрости ангелов, многие души удирали. Но в конце концов, он это заметил и, когда заметил, тотчас прикрепил к корзине крышку и снабдил ее висячим

замком. Души, которые вообще очень тощи, этой крышкой не стеснялись и, с помощью розовых пальчиков небесных херувимов, продирались к выходу сквозь щели. Увидев это и рассердившись окончательно, чорт убил дромадера, снял с его горба шкуру и сделал из нее покрышку, которую, с помощью демона Гермеса, ему удалось каким-то таинственным способом наглухо закрыть. Когда же этот мех наполнялся, он веселился, как школьник, набивший свой кошелек золотыми монетами. Облетев языческие и басурманские страны, черт имеет обыкновение спускаться в верхнем Египте, на берегу Красного моря. Здесь он и нагружает мех. Место тут пустынное. Эта песчаная отмель подле небольшого пальмового леса расположена между местечком Комой, где родился святой Антоний, и Клизмой, где умер святой Сысой.

Как-то, однажды, чорту повезло особенно. Он весело нагружал свой мех, но, обернувшись случайно, увидел в двух шагах прекрасного ангела, который глядел на него и улыбался. Чорт пожал плечами и продолжал совать в мешок души, даже не потрудившись их очистить, потому что

в пекле церемониться не принято. Покончив с этим занятием, он прихватил мех, собираясь взвалить его на плечи, но поднять его оказалось делом невозможным, до того он был тяжел от всей этой массы душ и от тех беззаконий, в которых они погрязли. Он схватил свою адскую сумку обеими руками, но и это усилие оказалось бесполезным: мех не тронулся, как будто это была верхушка утеса.

— Свинцовые души!—пробормотал про себя дьявол.

И давай ругаться. Но обернувшись, опять увидал ангела, который смотрел на него и смеялся.

— Что ты тут делаешь?—крикнул демон.

— Сам видишь,—отвечал ангел,—сначала я улыбался, а теперь смеюсь.

— У, небесная дичь! Верзила безгрешная!—

Чорт разозлился, но ангел сразу принял суровый вид и сказал ему:

— Слушай, сатана. Вот, что повелел об'явить тебе Господь: ты не сможешь поднять и перенести своей ноши в геенну огненную до тех пор, пока не поднимет и не положит ее тебе на плечи какой-нибудь

святой, пришедший из рая, или христианин, свалившийся с небес.

И сказав, что ему было нужно, ангел развернул свои орлиные крылья и улетел.

Чорт совершенно растерялся:

— Что он хочет сказать? Что за болван!—проворчал он сквозь зубы.—Какой такой святой из рая? Что за христианин свалится с небес? Долго же мне придется сидеть, коли я стану ждать подобной помощи! И для какого чорта я так набил свою сумку?! А этот идиот, не то он человек, не то птица... Еще смеется, болван эдакий! Только этого недоставало! Сиди тут и жди; так тебе и явится святой из рая, так и свалится с неба христианин! Вот дурацкая история! И надо сказать правду, этим наверху не много нужно! Забавляются какими-то пустяками!

Чорт брюзжал и брюзжал себе под нос, и жители Комы и Клизмы принимали это за рокотание грома на горизонте. Когда извозчики вязнут в колеях, они ругаются, и брань их облегчает, но вылезти из колеи всетаки нужно. И бедный чорт размышлял, почесывая в затылке. Этот ловкач, погу-

бивший праматерь Еву, и хитер и изворотлив. Он проникает всюду. Коли понадобится, он пролезет и в любящее сердце, пролезет и в рай небесный. Он сохранил хорошие отношения со св. Киприаном кудесником, а при случае с'умеет подслужиться и другим святым отцам: одному окажет небольшую услугу, другому—просто наговорит комплиментов. Этот великий мудрец знает, как кому угодить и ко всякому подойдет с его слабой стороны. Св. Роберту Иоркскому он принесет овсяные хлебцы с маслом, со св. Элуа поговорит об ювелирном искусстве, со св. Теодором потолкует о стряпне, с епископом Жерменом побеседует о короле Хильдебере, с аббатом Вандрилем—о короле Дагобере а с евнухом Устхасадом—о короле Сапоре. С Павлом простодушным он станет говорить о св. Антонии, а со св. Антонием побеседует о его свинье. Со св. Лупом он заведет речь о его жене Пимениоле, зато со св. Гомером уж не станет толковать о его жене Гвинмарии. Дьявол большой льстец. Душа у него черная, зато уста медовые.

Между тем, в этот самый день, четыре святых отца, известные своей тесной дружбой,

отправились прогуляться на берег Красного Моря. Это были св. Нил—отшельник, св. Отремуан, св. Иван—карлик и св. Медар. Оживленно разговаривая, они подходили к пальмовому лесу, но чорт увидел их прежде; они его не сразу заметили. В один миг он принял вид старого сгорбленного старика, начал стонать и жаловаться. Святые отцы подошли ближе:

— Что с тобой?—спросил св. Нил.

— Увы, милостивые господа,—тотчас же заныл дьявол,—беда мне, горькая беда! Помогите мне, умоляю вас! Я бедный невольник, хозяин у меня злющий. Купец он, купец из Феца, мой хозяин. А вы сами знаете, что это за люди, эти фецкие выходцы, все эти мавры, нумиды, гараманты, нубийцы, египтяне. Народ скверный, сластолюбцы, развратники, грабители, наглецы, жестокосерды, и все это делает планета Марс. А мой хозяин, помимо всего этого, еще одержим болезнями; его мучит и черная желчь, и желтая желчь, и цицеронова мокрота. И от этого от всего, у него меланхолия, холодная, сухая меланхолия, и робкий он, и храбрости в нем нет, а злобы, небось, не теряет. И все это обрушивается

на нас, на бедных невольников и рабов, и на меня, злосчастного старца!

— К чему вы все это ведете, мой друг? — участливо осведомился св. Отремуан.

— Я все расскажу вам, милостивый господин. Мой хозяин любит путешествовать, и у него есть мания: куда бы он ни приехал, он начинает устраивать в своем саду песчаную гору, и песок ему нужен непременно с морского берега. В Зеландии он насыпал гору из грязного и черного песку, приехал на Фригийские берега — сейчас смастерил себе кучу, и там такие маленькие красные раковины, вот где еще попадается тигровый конус. На Киммерийском полуострове, в нынешней Ютландии, наносил он кучу мельчайшего песку, перемешенного с белыми раковинами. Тут можно встретить молюсков, которые имеют цвет восходящего солнца...

— А чтобы чорт тебя побрал! — прервал его нетерпеливый отец Нил: — переходи к делу. Ты и то заставил нас потерять, по крайней мере, четверть часа, и все несешь вздор. А я считаю минуты.

Дьявол смиренно поклонился:

— Вы считаете минуты, милостивый господин, благородная привычка. Вы уроженец юга; неправда ли? На юге народ изобретательный, склонный к математике. Оно и понятно, потому что там они ближе к звездному коловращению.

И внезапно, разражаясь рыданиями и бия себя в грудь кулаками, чорт заголосил:

— Беда, беда мне, добрые мои государи! Жестокий у меня хозяин. Меня, старика, он заставляет ходить сюда каждый божий день, и вот этот мех я должен набивать песком на берегу моря. На своих плечах его ношу! Пройду раз, и опять назад. И так с раннего утра и до самого заката. А если я вздумаю отдохнуть или поспать, когда я изнемогаю от усталости, если мех не до краев полон, меня секут! Ох! Я такой несчастный, до того я измучен, до того болен! Вчера шесть раз пришлось сходить, и к вечеру до того я устал, что уже не мог поднять меха и провел здесь всю ночь в слезах. Подумайте, как разгневается мой хозяин! Добрые, милостивые государи, помогите мне взвалить мою ношу

на плечи!.. Надо же мне иттн! Ведь он убьет меня, коли я стану опаздывать! Ай, ай, ай!

Св. Нил, св. Отрмуан, св. Иван-Карлик и св. Медар растрогались, а св. Медар даже расплакался, отчего на земле, целых сорок дней, лил дождь.

И св. Нил так отвечал демону:

— Я не могу помочь тебе, мой друг, и я, право, сожалею об этом. Но что делать? Я не должен касаться этого меха, потому что это мертвечина, а св. писание запрещает нам касаться мертвечины, ибо она оскверняет.

Ответил демону и св. Отремуан:

— Я не могу помочь тебе, мой друг, и, право, сожалею об этом. Но что делать? Я смотрю на эту помощь, как на доброе дело, а добрые дела пробуждают гордыню в тех, кто их совершает. Я уж воздержусь и сохраню смирение.

Св. Иван-Карлик тоже ответил демону:

— Я не могу помочь тебе, мой друг, и, право, сожалею об этом, но ты сам видишь, какой я малорослый, я и до пояса тебе не дотянусь. Как же я стану класть его тебе на плечи?

Заливаясь слезами, св. Медар сказал демону:

— Не могу я помочь тебе, мой друг, и, право, сожалею об этом, но я до того растроился, что просто опускаются руки.

И святые пошли своей дорогой.

Дьявол пришел в раж:

— Вот животныя! Старые педанты! Длиннобородые идиоты! что за болваны! И ангела перещеголяли!—Когда мы бесимся, мы можем посылать к чорту. А у чорта нет и этого утешения. Поэтому всякий его гнев падает на него же и раздражает его до последней крайности.

Пока он поносил своего врага и пламенным свирепым взглядом окидывал небесное пространство, в небесах ему привиделась черная точка. Точка росла, приближалась. И чорт стал различать человека, вооруженного рыцаря, на голове шлем, на груди красный крест—христианин. И летит этот христианин прямо с неба.

— Слава тебе, кто бы ты там ни был!— подпрыгнув от радости, завопил чорт:— Теперь я спасен! Христианин то и вправду с неба падает! С четырьмя святыми отцами не сумел сговориться, а с одним то чело-

веком справлюсь! Что же я за чорт, коли этого не сумею?

В эту минуту Пекопен был легонько опущен на берег и встал на ноги. Увидев старика, который был похож на раба, отдыхающего подле своей ноши, Пекопен подошел к нему ближе:

— Кто вы, приятель? И что это за место?

Дьявол тотчас же начал хныкать:

— Вы находитесь на берегах Красного моря, государь; а я? Кого несчастнее нет на белом свете.

И он пропел рыцарю свою песню, умоляя помочь и взвалить ему мех на плечи.

Пекопен покачал головой:

— Батюшка, ваша история неправдоподобна.

— Милостивый господин, свалившийся с неба, но ваша история еще менее правдоподобна, а между тем она неоспорима.

— Правда!—ответил Пекопен.

— И чего вы от меня хотите? Моя история неказиста; да разве я виноват в этом? Я бедняк, обиженный Богом и природой. Мне приходится говорить об одних невзгодах, и рассказываю я чистую правду. Каково мясо, таков и суп.

— Согласен,—промолвил Пекопен.

— Да наконец,—продолжал дьявол,— трудно вам это, что ли? Такой вы юноша и молодец! Разве трудно вам поднять этот мех и положить его бедному больному старику на плечи?

Это показалось Пекопену убедительным. Он нагнулся, приподнял мешок, не оказавший, на этот раз, никакого сопротивления, и держа его обеими руками, приготовился положить его на согнутую спину старика.

Одна минута, и все было бы кончено.

Но у дьявола есть пороки, которые его губят. Он слишком жаден. Ему захотелось присоединить душу Пекопена туда же, к остальным душам. Но для этого надо было, прежде всего, его убить.

И он, шопотом, стал призывать невидимого духа и приказывать ему что то на непонятном языке.

Кто не знает того, что когда дьявол рассуждает с другими демонами, он говорит на смешанном жаргоне итальянского и испанского наречия, к которому примешивает несколько латинских слов.

Это было доказано и установлено в разных случаях, но главным образом обнаружилось в процессе доктора Эдженио Торальва. Процесс происходил в Вальядолиде. Начался он 10 января 1526 года и окончился 6 мая 1531 года; окончился, как и подобает, публичным сожжением помянутого доктора.

Пекопен знал много разнообразных вещей. Это был, как я уже и говорил, человек большого ума и способный выдержать какой угодно диспут. Он понимал и чертовский язык.

Укрепляя мех на плечах сгорбленного старичка, он услышал, как тот прошептал: «Bamos, non sierra occhi, verbera, frappa, y echa la piedra». Его точно молния озарила.

У него явилось подозрение. Он поднял глаза и увидел огромный камень, который висел над ним на очень большой высоте вероятно в руках какого-нибудь невидимого великана.

Отскочить назад, тронуть рукой талисман, схватить в правую кинжал—все это было делом одной минуты. Он действовал подобно вихрю, который налетает, крутит, блещет и разрушает.

Дьявол испустил пронзительный крик. Освобожденные души вылетели через отверстие, прорезанное кинжалом Пекопена, оставляя в мешке грехи, преступления и злые дела, безобразную кучу, отвратительную бородавку, которая, в силу особого присущего чорту притяжения, впилась ему в спину и, прикрытая мехом, осталась навсегда у него между плечами. С этих пор Асмодей горбат.

Но, когда Пекопен отпрянул назад, невидимый великан уронил камень, и уронил он его чорту на ногу. Ногу отдавил. И с этой поры Асмодей хром.

У дьявола, как и у Бога, тоже есть свой гром. Но это ужасный, адский гром. Он выходит из-под земли и вырывает с корнями деревья. Пекопен почувствовал, как задрожал под ним берег, как что то страшное окутало его тело; его ослепил черный дым, оглушил потрясающий грохот; ему показалось, что он упал, что он катится и метет землю, как увядший лист, гонимый ветром. Он потерял сознание.

VII

ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НЕКОЕГО МУДРЕЦА, ПРИЮТИВШАГОСЯ В ХИЖИНЕ ИЗ ЛИСТЬЕВ.

Когда он пришел в себя, он услыхал чей-то тихий голос, произносивший «Фисма», что, на арабском наречии, означает «Он на небе». На груди он почувствовал чью-то руку и услыхал другой медлительный и серьезный голос, который отзывался на первый: «Ло, ло, махи мут»—«Нет, нет, он не умер». Он открыл глаза и увидал старика и молодую девушку. Они стояли подле него на коленях. Старик был черен, как ночь, с белой бородой, заплетенной по обычаю древних магов в мелкие косицы и в зеленом шелковом балахоне, ниспадавшем на нем без складок. Девушка—меднокрасная с большими фарфоровыми глазами и коралловыми губами. В носу и в ушах—золотые кольца. Она была прелестна.

Пекопен покинул берега моря. Адский вихрь, крутивший наудачу, швырнул его в долину, полную диковинных деревьев и утесов. Он встал на ноги. Старик и девушка смотрели на него ласково. Он подошел к одному из деревьев; листья на нем свернулись, ветви отодвинулись, матово-белые цветы побагровели, и все дерево как бы отпрянуло назад. Пекопен признал дерево стыда и понял, что он миновал Индию и попал в пресловутую страну Пудиферан.

Но старик подал ему знак. Пекопен последовал за ним. И несколько минут спустя, старик, девушка и Пекопен уже сидели втроем на циновке, в хижине из пальмовых листьев. Внутренность этой хижины, полная всевозможных драгоценных камней, сверкала, как груда раскаленных угольев. Старик обернулся к Пекопену и сказал ему по немецки:

— Мой сын, я всеведущий человек. Я эфиопский гранильщик, талеб Аравии. Зовут меня Зин-Эддин, но для духов я Эвилмеродах. Я—первый смертный, проникший в эту долину. Ты—второй.

Всю жизнь я посвятил изучению природы, одухотворению бездушной мате-

рии. Благодаря мне, благодаря моим урокам, благодаря световым лучам, которые падали, втечение ста лет, из моих глаз, камни живут в этой долине, растения мыслят и животные мудрствуют. Это я внушил зверям настоящее медицинское знание, которого не хватает людям. Я выучил пеликана пускать себе кровь и лечить птенцов от укушения ехидны. Я выучил ослепшего змея есть укроп, чтобы вернуть зрение. Я выучил медведя лечить катарракт пчелиными укусами. Я принес орлицам особый камень, помогающий им нестись. Сойка очищается лавровыми листьями; черепаха—болиголовом; олень—диким бадьяном; волк—мандрагорой; вепрь—плющем; горлинка—травой колючника, лошади, удручаемые приливами крови, сами вскрывают вену на заднем бедре; ящерица стеллион, во время линяния, пожирает свою кожу; ласточка лечит воспаление глаз калєдонским камнем. И всему этому они выучились у меня. Но до сих пор у меня не было других учеников, кроме животных. Я ждал человека. Ты пришел. Будь мне сыном. Я стар. Я оставлю тебе мою хижину, долину, драгоценные камни

и всю мою науку. Ты возьмешь в супруги мою дочь. Ее зовут Аисаб. Она прекрасна. Я научу тебя отличать сандарез от хризоламписа, очищать перламутр в сосудах с солью, возвращать огонь потускневшим рубинам. Питаясь кореньями, собирая алмазы, мы проведем всю жизнь в тишине и мире. Будь мне сыном.

— Благодарю тебя, достойный старец,—ответил ему Пекопен:—я с радостью принимаю твое предложение.

Когда настала ночь, он бежал.

VIII

СКИТАЛЕЦ.

Он скитался долго. Если начать описывать все его приключения, придется рассказать историю мира. Он странствовал и босой, и в сандалиях. Ему приходилось путешествовать на осле, на коне, на муле, на верблюде, на зебре, на слоне и на онагре. Он испытал все роды плаванья на кораблях, на круглых океанских судах и на длинных судах Средиземного моря, o n e n a r i a e t r e m i g i a, плавал на галере и на галионе, на фрегате и на фрегатоне, на фелуке, на полакре и на тартане, на барке, на лодке и в гондоле. Он отважился плавать на деревянных пирогах индейцев и на кожаных шлюпках Евфрата, о которых упоминает Геродот. Он познал дыхание всех ветров мира: сирокка леванте и сиррока меццоджиорно, и тре-

монтаны, и нордвеста. Он побывал и в Персии, и в Пеку, и в Брамаце, и в Тагатае, и в Трансиане, и в Хасуби и в Сагистане. Он, как Викентий Белый, видел Монотапу; как Педро Ордонес, видел Софалу, и видел Ормузда — подобно сьеру Фин. Он видел дикарей, как Акоста, и великанов, как Малерб де Витрэ. Скитаясь по пустыням, он, как Иероним Кастилья, лишился четырех пальцев, как Мендес Пинто, семнадцать раз попадал в рабство; как Тексеус, попал на каторгу, и чуть не сделался евнухом, как Паризоль.

Он страдал нечистой болезнью, от которой гибнут негры, болел цынгой, которой так боялся Анисан, и морской болезнью, которой пуще смерти, опасался Цицерон. Он взбирался на такие высоты, где начинал харкать кровью. Он пристал к острову, который встречаешь, когда его не ищешь и который никогда не удавалось найти тем, кто его искал. Побывав на этом острове, он убедился, что обитатели его добрые христиане. В Миделпалии, на севере, он видел замок в таком месте, где его нет, но чары полноночных стран так велики, что этому нельзя и дивиться. Не-

сколько месяцев он прожил у Могорского короля Экебаза и был обласкан этим владыкой, о дворе которого он рассказывал впоследствии все, что изложено с тех пор на бумаге англичанами, голландцами и отцами иезуитами. Скитание и несчастие, как мудрые наставники, сделали его ученым. Он изучил флору и фауну всех климатов. Он наблюдал направление ветров по переселению птиц и течения вод по переселению молюсков. В подводных пространствах он проследил движение ommastrephes sigittatus, идущих к северу и ommastrephes giganteus, идущих к югу. Он встретил на пути всех людей и всех чудовищ, виденных древним греком Уллисом. Он узнал всех диковинных зверей: моржа, птицу дергача, африканских чаек, которые похожи на орлов, каморских ласточек, диких коз Шотландии, стада алькатразов и антеналей. На Мальдивских островах он видел неймонов, поедающих человеческое мясо; видел птицу манар с бычачьей головой, птицу клаки, которая родится из гнилых деревьев и даже боранэ—полурастение, полуживотное, Татарии, существо, пускающее корни в земле

и собирающее траву, которая растет кругом. Охотясь, он убил морского тритона из породы уаріагіа и внушил страсть речному тритону из породы baoрaріna. Однажды, на Манарском острове, в ста милях от Гоа, рыбаки показали ему семь епископов и девять сирен, попавших к ним в сети во время лова. Он слышал ночное громыханье морского кузнеца. Ему пришлось испробовать все сто пятьдесят три сорта рыб, бывших в сетях апостолов, когда они закидывали сети по велению Господню. В Скифии, он пронзил стрелой грифона, хранившего золото. За это благодарное племя аримаснов пожелало сделать его своим государем, но он во время спасся бегством. Не один раз он подвергался опасности крушения и больше всего у мыса Гвардафуя, известного в древности под именем Promontorium aromatorum. И, несмотря на все приключения, несмотря на подвиги, испытания и опасности, несмотря на все труды и лишения, верный и храбрый Пекопен неизменно преследовал одну цель—вернуться в Германию, питал одну надежду—добраться до Фалькенбурга, лелеял одну мысль—увидать Больдур.

Талисман султанши, которого он никогда не снимал с шеи, предохранял его, как мы помним, от старости и от смерти.

Но он грустно считал года. Когда, наконец, ему удалось достичь севера Франции, истек пятилетний срок со времени разлуки его с Больдур.

Он раздумывал об этом по вечерам, после целого дня скитания. И, усевшись на придорожный камень, плакал.

Но долго горевать было нельзя. Приходилось бодриться:

«Пять лет,—думал Пекопен,—но в конце концов, я всетаки ее увижу. Тогда ей было пятнадцать лет, теперь ей двадцать».

Одежда его была в лохмотьях, обувь износилась, ноги в крови, но, при мысли о Больдур, сила и радость вошли в его душу. И он опять пустился в путь.

Так добрался он до Вогезских гор.

IX

ИЗ КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ, ЧЕМ МОЖЕТ ЗАБАВЛЯТЬСЯ В ЛЕСУ НЕКОТОРЫЙ КАРЛИК.

Однажды, к вечеру, проблуждав целый день в утесах, где он разыскивал проход к Рейну, Пекопен добрался до опушки леса из кленов, ясени и елей. Ни минуты не задумываясь, он углубился в этот лес и шел уже более часа, когда вдруг тропинка оборвалась, и он очутился у поляны, поросшей остролистом, можжевельником и дикой малиной. Подле поляны—болото. Измученный усталостью, голодный, мучимый жаждой, он смотрел по сторонам, ища глазами хижины, избушки угольщика, пастушьего огня. Но тут, крича и махая крыльями, пронеслась над ним стая атаек. И Пекопен содрогнулся, увидав этих странных птиц, которые вьют гнезда под землей

и которых вогезские крестьяне зовут утками-кроликами. Он раздвинул чащу остролиста и увидел везде, в траве, цветы и зелень дигиля, каменного перелома, чемерицы, высокой сокольницы. Он наклонился, и ему бросилась в глаза раковина слизняка. Это была улитка из производящих жемчужины с горох величиною. Он поднял глаза. Над головой парил филин. Пекопену стало жутко. Остролист и малинник, атайки, колдовские травы, раковина, филин—все это вместе было совсем не успокоительно. Он встревожился и, в тоске, пытался угадать, куда его занесло, когда услыхал звуки песни. Он стал прислушиваться. Голос был хриплый, разбитый, сиплый и крикливый, и вот, что пел этот голос:

Мое озеро в куще древесной
Амфитриду с Нептуном родит,
Мой прудок на горе неизвестной
Короля с королевой поит.
 Я карлик, предок великанов,
 Мой прудок—источник океанов.
И я лью из утесов нетленных
Для нее—мой поток голубой,

Для него—из глубин потаенных,
Вырываюсь зеленой струей.
  Я карлик, предок великанов,
  Мой пруд—источник океанов.
Я в песке берегу сокровенно
Изумруд и сапфир дорогой.
Станет Рейном мой камень зеленый,
Станет Роной сапфир голубой.
  Я карлик—предок великанов,
  Мой пруд—источник океанов.

Пекопен больше не сомневался. Бедный, измученный странник, он очутился в роковом лесу потерянных шагов. В этом лесу, где нет конца трущобам и лабиринтам, разгуливает известный карлик Рулон; карлик живет на озере, на вершине одной из Вогезских гор. Один источник он посылает в Рейн, другой—в Рону. И потому мнит себя отцом океана и Средиземного моря. Но больше всего он любит бродить по лесу и сбивать с пути прохожих. Путник, попавший в лес потерянных шагов, не возвращается из этого леса никогда.

Эта песня, этот голос были песней и голосом злого Рулона.

Пекопен в отчаянии бросился на землю:

— Все кончено! — простонал он, — я больше не увижу Больдур!

— Увидишь,—сказал кто-то подле.

X

EQUIS CANIBUSQUE.

Он поднял голову. Старый сеньер, в роскошном охотничьем костюме, стоял в нескольких шагах. Он был в полном облачении охотника. Короткий нож с золотой чеканной ручкой висел у него при бедре, на поясе болтался рог из буйловой кости с оловянными украшениями. Что-то странное неуловимое поблескивало и пробегало по этому бледному улыбающемуся лицу, озаренному последним лучем догорающего солнца. Появился он так внезапно, в такой час и в таком месте, что всякому мог бы показаться страшным, но в лесу потерянных шагов приходится опасаться одного карлика Рулона, и то, что он не похож был на карлика, уже успокоило Пекопена.

Впрочем и физиономия у этого жантильома была любезная и даже благообразная. А вдобавок, несмотря на свой полный охотничий наряд, он казался таким старым, изношенным и разбитым, руки у него были такие морщинистые и дряхлые, брови такия белые и ноги такие тощие, что его и бояться то было жалко. Его улыбка, если в нее всмотреться, напоминала банальную и поверхностную улыбку какого-нибудь безмозглого короля.

— Чего вы от меня хотите? спросил его Пекопен.

— Хочу возвратить тебя твоей Больдур.

— Когда?

— Если ты проведешь только одну ночь со мной, на охоте.

— Которую ночь?

— Ту, что перед нами.

— И я увижу Больдур?

— После ночной охоты, с восходом солнца, я доставлю тебя к воротам Фалькенбурга.

— Охотиться ночью?

— А почему нет?

— Очень странно!

— Ба!

— Утомительно!

— Нет!

— Вы так стары.

— Обо мне не заботься.

— Но я измучен, я шел целый день, я изнемогаю от голода и жажды. Я даже на лошадь сесть не смогу.

Старик отвязал от пояса серебряную дамасскую фляжку и протянул ее Пекопену:

— На, выпей.

Пекопен жадно прильнул к ней губами. Едва он успел сделать несколько глотков, как почувствовал, что оживает. Он стал силен, легок, могуч. Он поспал, поел и попил. Ему казалось, что выпил он даже слишком.

— Хорошо; идем, бежим, будем охотиться всю ночь. Я готов, но я увижу Больдур?

— Когда пройдет эта ночь, на восходе солнца.

— А чем вы можете поручиться?

— Моим присутствием и тем, что я пришел к тебе на помощь. Я мог бы оставить тебя здесь погибать от голода, усталости и несчастья, мог бы отдать тебя в лапы карлику, бродяге Рулону, а я тебя пожалел.

— Я пойду за вами,—сказал Пекопен,— только помните, на восходе солнца я буду в Фалькенбурге.

— Эй, вы, сюда! На охоту!—крикнул старик, с усилием напрягая голос.

Когда он обернулся, Пекопен увидел, что он горбат, когда он шагнул, Пекопен заметил, что он хром.

По зову старика, группа кавалеров, одетых с роскошью принцев, выехала на великолепных конях из лесной чащи.

В глубоком молчании они расположились вокруг старика, бывшего, повидимому, их властелином.

Все были вооружены ножами и кольями. Только у него был рог. Ночь спустилась, но вокруг этих господ столпилось двести слуг, и у каждого—по факелу.

Ebbene,—сказал старик,—ubi sunt los perros?

Это смешение итальянского, испанского и латинского неприятно поразило Пекопена.

Но старик нетерпеливо крикнул:

— Где же собаки?

Ужасающий лай огласил поляну, и тотчас же появилась стая.

Восхитительная, роскошная стая! Слуги в желтых полукафтанах и в красных

чулках; псари с угрюмыми лицами, нагие негры, держали ее на сворах.

Коллекция была полная. Псы всевозможных пород располагались попарно и гроздями, сообразно своим родам и инстинктам.

Первая группа состояла из ста английских догов и ста борзых, двенадцати пар собак-тигров и двенадцати пар гончих. Вторая группа была составлена из одних варварийских грифов, совершенно белых, с небольшими красноватыми пятнами; эти доблестные псы не боятся шума, три года не теряют достоинств, хорошо стерегут скот и служат для большой охоты. Третья группа—собрание норвежских псов: ярко-рыжие, с белым пятном на лбу и на шее, эти псы отличались несравненным чутьем и благородным сердцем и предназначались для оленьей охоты. Та же порода—серого цвета; пятна леопарда на хребте; на ногах—шерсть, как на лапах у зайца или черные и красные пятна. И все, как на подбор: ни одного ублюдка.

Пекопен, знаток этого дела, между рыжими, не заметил ни одного желтого или сероватого, между серыми—ни одного

серебристого или рыжего. Все были породисты и безукоризненны.

Четвертая группа имела грозный облик. Это была густая, сжатая, глубокая куча мощных черных догов аббатства Сент-Обер. Эти коротконогие псы не отличаются проворством движений, но это лучшие ищейки, с примерным остервенением выслеживающие лисицу, вепря и вонючего зверя. Все они, как и норвежские, были породисты, отличались чистокровным благородством и сердечным разумом. Головы были у них размера среднего, пасти удлиненные и не красные, а черные; уши широкие; бедра выгнутые; спины мускулистые; хвост подобранный; тело поджарое, шерсть под брюхом жесткая; когти грубые, ступня сухая и по форме похожая на лисью. Пятая группа восточного происхождения должна была стоить невероятных денег, так-как она была составлена из собак Палимбàтры, которые душат быков, из собак Цинтики, которые охотятся на льва, и собак Монотàпы, входящих в свиту индийского императора. И все эти псы, английские, варварийские, норвежские, арденские и индийские, голосили кто во

что горазд. Целый человеческий парламент не мог бы наделать столько шума. Пекопен пришел в восторг при виде этой стаи. Все его охотничьи инстинкты проснулись.

Между тем пришла она неведомо откуда, и ему не могло не показаться странным, почему этот невероятный лай не слышен был прежде.

Старший псарь, который вел стаю, стоял к нему спиной, в нескольких шагах. Желая его распросить, Пекопен подошел ближе и положил ему на плечо руку. Тот обернулся. Он был в маске.

Пекопен онемел и задал себе серьезный вопрос: неужели и вправду ему следовать за этой охотой? Но в эту минуту к нему подошел старик:

— Ну что, рыцарь, что ты скажешь о наших псах?

— Почтенный господин, я могу сказать только одно: чтобы угоняться за такими псами, надо и коней подходящих.

Старик не ответил. Он поднес к губам серебряный свисток, укрепленный на мизинце его левой руки,- предусмотрительность человека со вкусом, принужденного посещать трагедии,—и свистнул.

По деревьям пронесся шум. Все расступились. И четыре конюха в багряных ливреях показались на поляне, ведя в поводу двух великолепных коней. Один, жеребец испанской породы, с ученым аллюром, с тонкими, высокими копытами закругленной формы, с короткими лунообразными бабками, с нервными и сухими бедрами, с гибким жилистым коленом, с ногами, тонкими как у хорошего оленя, с широкой грудью и трепещущей спиной. Другой—татарский иноходец с огромным крупом, с продолговатым туловищем и ровными боками. Его шея, дугообразная, но не слишком выгнутая, была покрыта длинной вьющейся гривой; густой хвост висел до земли, кожа на лбу стянулась к большим блестящим глазам, рот огромный, уши беспокойные, ноздри раздутые; на лбу—звезда, на ногах—белые отметины; он был в полной красе и силе и имел от роду семь лет. У первого был наглавник; на груди—латы; седло боевое. Второй не отличался столь благородным снаряжением, зато поражал блестящим видом: мундштук серебряный, оголовок украшен мелкими алмазами, узда вышита золотом, седло королевское, брокаровый чепрак с кистями,

и на голове колеблющийся султан. Один топтался, храпел, пускал слюну, грыз удила, бил ногами и рвался в бой. Другой—посматривал по сторонам, искал одобрения, весело ржал, скреб землю кончиком копыта и с царственной осанкой переступал ногами. Оба были черны, как смоль. Пекопен остолбенел от восторга при виде этих дивных тварей.

— Ну,—сказал кашляя, ковыляя и не переставая улыбаться, старик:—которого выберешь?

Пекопен не колебался и вскочил на испанского жеребца.

— Крепко ли ты держишься в седле?

— Крепко,—ответил Пекопен.

Старик расхохотался. Одной рукой он сорвал снаряжение, попону и седло с татарского коня, другой рукой схватил его за гриву, прыгнул на него, как тигр, и уселся без седла на прекрасного зверя, трепетавшего под ним всеми своими членами. Затем, схватив с пояса охотничий рог, он принялся трубить сбор такими ужасающими звуками, что оглушенный Пекопен вообразил, будто этот страшный старик носит гром в своей груди.

XI

В КОТОРОЙ ГОВОРИТСЯ О ТОМ, ЧЕМУ ПОДВЕРГАЕТСЯ ТОТ, КТО САДИТСЯ ВЕРХОМ НА НЕЗНАКОМУЮ ЛОШАДЬ.

При звуках этого рога, глубины леса осветились тысячами небывалых огней, меж дерев пробежали тени и раздались отдаленные крики: «На охоту!» Стая залилась, кони зафыркали, и деревья содрогнулись, будто по ним пронесся вихрь. В это время, дребезжащий колокол, звонивший где то во мраке, пробил полночь.

Когда замолк двенадцатый удар, старик еще раз протрубил сбор, псари освободили стаю, собаки устремились вперед, как горсть камней, брошенных метательным снарядом, крики и рев удвоились, и все охотники, и все ловчие, и все псари, и старик, и Пекопен помчались вскач.

То была ужасная скачка, бешеная, неистовая, ослепительная, призрачная, сверх'естественная. Она захватила Пекопена и увлекала и несла его, отдавалась у него в мозгу, словно его череп был мощеной дорогой, ослепляла его, как молния, опьяняла, как оргия, возбуждала, как битва; скачка, которая минутами превращалась в вихрь, вихрь, который по временам становился ураганом.

Лесу не было конца, охотники без числа, поляны шли за полянами, ветер стонал, кустарники свистели, псы заливались, колоссальный черный силуэт огромного оленя, с шестнадцатью отростками на рогах, появлялся минутами меж листвой и мелькал в тени и на свету; лошадь Пекопена храпела, деревья склонялись навстречу, и прядали назад, когда он проносился мимо; ужасающие звуки труб раздавались в промежутках, потом они замолкали сразу, и вдали был слышен рог старого охотника.

Пекопен не знал, где он находится. Проносясь мимо развалины, осененной елями, где с высоты порфирной стены струился водопад, он подумал, что, может

быть, это замок Нидек. Потом он видел, как с левой стороны быстро замелькали горы: Нижние Вогезы. Он узнал их одну за другой, по форме их четырех вершин: Бан-де-ла Рош, Огненное поле, Климон и Унгерсберг. Минуту спустя, он был уже в Верхних Вогезах. В какие нибудь четверть часа его конь пронесся через Жироманьи, Ротабек, Зульц, Беренкопф, Грессон, Бресуар, Го-де-Гонс, через гору Люр, Медвежью голову, большой Донон и большой Вентрон. Эти огромные утесы беспорядочно и бессвязно перемешивались во мраке, точно какой нибудь великан перепутал большую эльзасскую цепь. Ему казалось иногда, что он видит внизу озера, которые Вогезы несут на своих вершинах, как будто эти горы проносились под брюхом его лошади. Так же точно увидел он отражение своей тени в Бен-де-Пайене и в Со-де-Кюве, в Белом озере и в Черном озере. Она промелькнула под ним, как тень ласточки, задевшей крылом водяное зеркало, и исчезла так же быстро, как появилась. Между тем, несмотря на весь ужас, на всю необычайность положения, Пекопен был спокоен.

Он прикладывал руку к талисману и думал о том, что, всетаки, он не удаляется от Рейна.

Вдруг его окутал густой туман. Деревья слились и пропали; гам, который производила охота, стал слышнее среди мрака, и жеребец поскакал с удвоенным бешенством. Туман был так силен, что Пекопен с трудом различал уши своей лошади, торчавшие у него перед глазами. В такие ужасные минуты надо иметь сильную волю и большое присутствие духа для того, чтобы предать свою душу Богу и послать свое сердце возлюбленной. И это благочестиво совершил храбрый рыцарь. Итак, он думал о Боге и о Больдур, и, может быть, о Больдур больше, чем о Боге, когда ему показалось, что завывания ветра становятся похожими на голос и произносят отчетливо одно слов: «Геймбург». В ту же минуту огромный факел, в руках одного из ловчих, прорезал туман, и при свете этого факела Пекопен увидел над головой пронзенного стрелой летящего ястреба. Пекопен начал всматриваться, но его лошадь скакнула, ястреб взмахнул крыльями, факел исчез в чаще, и его окружила ночь. Прошло несколько

минут; ветер заговорил опять и произнес: «Ваугтсберг». Новое пламя озарило туман, и Пекопен увидел среди мрака, пронзенного летящего коршуна. Он широко раскрыл глаза, раскрыл рот, но прежде чем он успел крикнуть, коршун, дротик и свет исчезли. Лошадь ни на минуту не замедляла шаг и пробиралась через все призраки с опущенной головой, как слепой конь демона Пафоса или глухой конь царя Сицимордаха. Ветер простонал в третий раз, и Пекопен услышал мрачный голос воздушных пространств, произнесший «Рейнштейн». В третий раз огонь обагрил деревья и туман, и пронеслась третья птица. То был орел, пронзенный стрелою. Тут Пекопен вспомнил, как соблазнила его охота пфальцграфа, и содрогнулся. Но скачка была так неистова, деревья и неясные очертания ночных видений мелькали так быстро, стремительность всего была так необычайна, что и в нем самом ничего не могло остановиться. Видения и призраки смутно сменялись, не давая ему времени остановить мысль на печали воспоминаний. Мысли вихрем проносились у него в голове. Вдали раздавался рев охоты, г

в промежутках, чудовищный олень кричал в лесной чаще.

Туман понемногу рассеялся. Воздух стал мягче и теплее. Деревья переменили вид: пробковые дубы, фисташки, алепские сосны показались среди утесов. Круглый белый месяц, окаймленный кольцом, зловеще озарил заросли. Между тем, месяц не должен был светить в эту ночь. Проносясь по дну выбитой дороги, Пекопен нагнулся и вырвал горсть травы на откосе. При лунном свете ему удалось разглядеть растения, и он, с горестью, узнал севенский целитель, веронику, безобразный илон с когтистыми листами. Прошло полчаса. Ветер стал еще теплее, в прогалинах высокого леса показалось море. Он нагнулся еще раз и сорвал опять несколько растений. На этот раз, ему попалась ницская анемона, серебристый ракитник, тулонская мальва, geranium sanguineum нижних Пириней с его пятизубыми листьями и astrantia major, цветок в виде солнца, просвечивающего сквозь кольцо, как планета Сатурн. Пекопен увидал, что он с необычайной скоростью удаляется от Рейна. Он сделал более ста миль между двумя пучками травы. Он пронесся через

Вогезы, пронесся через Севенны и в эту минуту несся через Пиринеи: «Лучше смерть!»—подумал он и хотел броситься с лошади на землю. Но при первом движении почувствовал, что ноги его сжаты как бы железными руками. Он взглянул. Стремена захватили его и держали. Это были живые стремена.

Отдаленные крики, ржание и лай дошли до полного неистовства. Рог старика, руководившего охотой на невероятном расстоянии, играл зловещие песни и, через длинные сизые ветви, клонившиеся под ветром, Пекопен различал собак, переходивших вплавь сверкавшие волшебным блеском полные воды.

Несчастный рыцарь покорился неизбежности судьбы. Он закрыл глаза и предался воле коня.

Когда он открыл их снова, раскаленный жар тропической ночи обжег ему лицо. До него донеслись смутные рыкание тигров и шакалов, он увидел развалины пагод, на верхушках которых важно и неподвижно стояли, вытянутые в нитку, коршуны, совы и аисты. Причудливые деревья изгибались среди долин. Он узнал банан

баобаб. Со всех сторон раздавались голоса птиц и обезьян. Пекопен находился в каком то индийском лесу.

Он закрыл глаза.

Когда, через четверть часа, он их открыл, дыхание экватора перешло в ледяной ветер. Холод стал ужасен. Копыта звенели по дороге. Мокрицы и сатиры сновали в тумане, как тени. Леса и горы глядели сурово. На горизонте выступили гигантские утесы, вокруг которых летали чайки и поворы, и сквозь черные ветки дерев мелькали длинные белые волны, в которые падали с неба хлопья снега и которые кидали к небу хлопья пены. Пекопен был недалеко от Нордкапа, среди лиственниц Биармии.

Через мгновение ночь сгустилась до того, что Пекопен больше ничего уже не видел, но он услышал ужасающий гул и понял, что он несется мимо пучин Мальстрема, Тартара древних и центра морей.

Что же это за ужасный лес, обросший кругом всю землю?

Олень с шестнадцатью отростками появлялся в промежутках, неутомимо бегущий и неутомимо преследуемый. Тени и звуки

стремились по его следам, рог старика покрывал все, даже и гул Мальстрема.

Вдруг конь остановился, как вкопанный. Лай собак прекратился, и все затихло. Несчастный рыцарь, более часа державший глаза закрытыми, сразу открыл их. Перед ним вырос фасад гигантского и темного здания; его освещенные окна глядели. Фасад был чорный, как маска, и живой, как лицо.

XII

ОПИСАНИЕ НЕЧИСТОГО КРОВА.

Что это было? Какое здание? Трудно и рассказать: дом, увесистый, как крепость; крепость роскошная, как дворец; дворец зловещий, как тюрьма; тюрьма, молчаливая, как могила.

Там не слышно было звуков, там не видно было ничьей тени.

Вокруг этого сверх'естественного по своим размерам, гигантского замка, лес простирался во все стороны, вдаль и вширь, необ'ятный, безбрежный. Луны не было на горизонте. Только несколько кроваво-красных звезд горело в небесах.

Конь остановился у подножия лестницы, примыкавшей к широкой запертой двери.

Покопен осмотрелся, и ему показалось, что на всем протяжении фасада, у подножия других лестниц, неподвижно стоят другие

всадники, как и он, остановившиеся в безмолвном ожидании. Пекопен вынул кинжал и хотел ощупать рукоятью мраморную балюстраду крыльца, когда рог старого охотника раздался по ту сторону фасада, мощный, звонкий, оглушительный, как бурная труба злого духа. Этот рог, который сгибал своим ревом деревья, пропел во мраке ночи потрясающий победный клич

Едва он замолк, как двери замка распахнулись, как будто их разверз свирепый вихрь, и поток света хлынул изнутри.

Конь поднялся по ступеням, и Пекопен вступил в широкий, блистательно освещенный зал.

Стены этого зала были покрыты вышивками на темы из римской истории в оправах из кипариса и слоновой кости. Наверху—галлерея, полная цветов и деревьев; в углу—под круглым навесом—место, отведенное для женщин и мощеное агатом. Мозаика пола изображала Троянскую войну.

В зале—ни души. Пустыня. Зловещий вид: яркий свет и полное отсутствие жизни.

Конь шел никем гонимый, и шаг его звонко отдавался по мощеным плитам; он медленно прошел первую залу и всту-

пил во вторую, освещенную так же ярко и такую же пустынную и огромную. Широкие панно резного кедра развернулись по стенам, и в эти панно какой то неведомый художник вставил чудесные картины с инкрустациями из золота и перламутра. Здесь изображены были битвы и охоты; пиры и фейерверки в роскошных замках, осажденных фавнами и дикарями, бои на конях и морские сражения на всевозможных судах, по волнам океана из бирюзы, изумрудов и сапфира, чудно передававших выпуклость морских вод. Внизу, под картинами, фризы, вырезанные тончайшим и мастерским скульптурным резцом, представляли, в бесконечном разнообразии их обоюдных отношений, четыре породы земных существ, олицетворенных великанами, карликами, людьми и духами. И везде карлики унижали человека, который был меньше великанов и глупее карликов.

Зато украшения потолка воздавали предательский почет человеческому гению. Весь он был составлен из медальонов с двумя повязками, и в этих медальонах, освещенные мрачным светом и увенчанные короной Плутона, блестели портреты людей, которые

прославились своими полезными открытиями и зовутся, на этом основании, **благодетелями человеческого рода.** Все они попали туда за свои изобретения: Арабус за врачебное искусство, Дедал за лабиринты, Пизистрат за книги, Аристотель за библиотеки, Тубалкаин за наковальню, Архитас за военные машины, Ной за навигацию, Авраам за геометрию, Моисей за трубу, Амфиктион за разгадку снов, Фридрих Барбаросса за соколиную охоту, и лионский выходец сьер Башу за квадратуру круга. По углам свода и по его выступам, как важнейшие созвездия этого неба человеческих светил, группировались знаменитые изъ знаменитых: Флавий, изобретатель компаса; Христофор Колумб, открывший Америку; Ботаргюс, создатель соусов; Марс, сочинивший войну; Фауст, изобретатель книгопечатания; монах Шварц, выдумавший порох, и папа Понтиан, придумавший кардиналов.

Многие из этих знаменитостей были неведомы Пекопену по той простой причине, что они еще не родились в то время, к которому относится наш рассказ.

Так, по воле своего коня, рыцарь про-

шел еще целую амфиладу роскошных покоев. В одном из них, на восточной стене, он заметил такую надпись золотыми буквами: «Арабское кауе, или иначе, каве, есть не что иное, как трава, растущая в изобилии в турецкой империи. В Индии ее считают чудодейственной, если она приготовлена следующим манером: возьмите пол унца этой травы, разотрите ее в порошок и настаивайте на одной пинте обыкновенной воды три, четыре часа кряду. Потом кипятите ее до тех пор, пока она не выварится на одну треть. Пить ее надо понемногу, как бы смакуя. Люди состоятельные подслащают ее сахаром, а, для аромата, кладут серой амбры».

На противоположной, западной стене блестело другое сказание: «Греческий огонь добывается и разводится в воде посредствомъ ивового угля, серы, соли, смолы, ладана и камфоры, которая может гореть в воде и одна, без посторонней примеси, и которая поглощает всякое вещество».

В другом зале, вместо всякого украшения, красовался весьма похожий портрет того прислужника, который на пире Трималхиона обходил стол и деликатно на-

певал название соусов, приправленных росным ладаном.

Факелы, люстры, свечи и жирандоли, отраженные огромными зеркалами изъ меди и стали, сверкали во всех роскошных покоях, где Пекопен не встретил ни одного живого существа и где он двигался с растерянным взглядом и смущенным духом, беспокойный, одинокий и полный тех несказанных и смутных мыслей, которые приходят в голову мечтателю среди темных лесных дебрей.

Наконец, он очутился перед дверьми из красноватого металла; над дверьми, в листве из драгоценных камней, круглилось крупное золотое яблоко, и на яблоке он прочел такие строки:

Адам придумал обед,
Ева придумала дессерт.

XIII

КАКОВ ТРАКТИР, ТАКОВ И СТОЛ.

Пока он старался разгадать мрачную иронию этой надписи, дверь медленно распахнулась, конь ступил вперед, и Пекопену показалось, что с яркого полуденного солнца он сразу перешел в погреб. Дверь захлопнулась, и ему почудилось, что он ослеп, до такой степени темно было то место, где он очутился. Только в некотором отдалении можно было различить какое то бледное и широкое пятно света. Мало по малу, его глаза, ослепленные блеском парадных покоев, стали привыкать к мраку, и он начал различать, в какой то дымке, бесчисленные и колоссальные столбы дивной вавилонской залы. Свет получил очертание, оно обрисовалось, и, через несколько мгновений, рыцарь увидел, среди целого леса вавилонских колонн, выступивший из тени

большой стол, тускло озаренный канделябром о семи свечах, на которых дрожали и колебались семь огней голубоватого пламени.

На главном месте, на троне зеленоватого золота, восседал бронзовой живой великан. Этот великан был Немврод. По правую и по левую его руку, на железных креслах, безмолвствовала целая толпа бледноликих собутыльников. Одни были в шапкахъ мавританского покроя, другие блистали жемчужными уборами не хуже самого короля Биснагара.

Пекопен узнал здесь всех именитыхъ охотников, оставивших след в истории: короля Митробузана, тирана Махонидаса; римского консула Эмилия Барбула II; Ролло, морского короля; Зуентибольда, недостойного сына великого Арнольфа, короля Лоррены; любимца Карла Французского, Хагаанона; Герборта, графа Вермандуа, графа Пуатье, Вильгельма-Тет-д'Етуп, знаменитого родоначальника дома Ришеньевуазен; папу Виталия; аббата Сен-Дени, Фардульфа; английского короля Адельстана и датского короля Эгрольда. Подле Немврода, облокотясь на руку, восседал великий Кир, который основал персидскую имперію за две

тысячи лет до Рождества Христова. На груди у Кира блестели его гербы, увенчанный золотыми лаврами серебрянный лев на зеленом поле, окаймленном золотыми зубцами и восемью трилистниками о серебрянных стеблях на красном поле.

Стол был накрыт по императорскому этикету, и по четырем его углам восседали четыре знатные и именитые охотницы: королева Эмма, мать Людовика Утр-Мер, королева Огива, королева Герберга и Диана, которая, как подобает богине и по примеру трех королев, наделена была замком и балдахином.

Никто из них не ел; в глазах их не было взгляда. Широкое пустое место среди скатерти ожидало, повидимому, неизвестных явств, и на столе не стояло ничего, кроме множества напитков из всевозможных стран. Тут было пальмовое вино Индии, бенгальское рисовое, очищенная вода с острова Суматры, японский арак, китайский памилис и турецкий пехмец. Там и сям, в богатых, украшенных эмалью кружках, пенилось то питье, которое в Норвегии зовется «вель», у готов «буска», у коринфян— «во», у словаков— «оль», в Далмации—«бие»,

в Венгріи — «сер», в Богемии — «пива», у поляков — «пиво», и во Франции — «бьер».

Негры, похожие на демонов или демоны, во образе негров, с кувшином в руке, с салфеткой под мышкой, в неподвижном безмолвии окружали стол. Подле каждого из гостей, как и подобает, держался его карлик. Подле Дианы был ее борзой.

Всматриваясь пристально в туманные глубины этого необычайного места, Пекопен увидал в безбрежности бездонной громады, под сенью колонн, бесчисленное множество зрителей. Все они были, как и он, на конях, и все были в охотничьем платье. Тусклые тени, неподвижные статуи, безмолвные призраки. Между ближайшими он узнал тех, кто сопровождал старого охотника в лесу потерянных шагов. И все, и гости, и зрители, и слуги, хранили странное молчание. Ни единый вздох не нарушал неподвижности толпы. Скорее станут шептаться могильные камни.

Ледяной холод царил в этом мраке, и Пекопен оледенел до мозга костей, а между тем по всем его членам струился пот.

И, вдруг, раздалось тявканье, сначала отдаленное, потом неистовое, радостное и

дикос; в него вмешался рог старого охотника, который принялся исполнять с триумфальным блеском дивный клич победы, совершенно необыкновенный и вполне новый клич, найденный, много лет спустя, Роландом-де-Латр в ночном вдохновении и удостоивший этого великого музыканта 6 апреля 1574 года, из рук папы Григория XIII, чести посвящения в рыцари Св. Петра с золотой шпорой de numero participantium.

При этих звуках, Немврод поднял голову, аббат Фардульф обернулся, и Кир, который опирался на правый локоть, оперся на левый.

XIV

НОВЫЙ СПОСОБ ПАДЕНИЯ С ЛОШАДИ.

Лай собак и пение рога стали слышнее. Большая дверь, противоположная той, в которую проник Пекопен, распахнулась на обе стороны, и рыцарь увидел темную и длинную галлерею, по которой шествовали с факелами двести слуг. На плечах они несли гигантское блюдо зеленоватого золота, и в этом блюде, среди обильного соуса, дымящегося изжаренного оленя с шестнадцатью отростками.

Факелы горели, как раскаленные уголья. А впереди, на вспененном татарском иноходце, с буйволовым рогом в руке, выступал старый охотник. Он уже не трубил, он любезно улыбался, и вокруг него раздавался неслыханный рев собак, которые шествовали вслед за оленем, все время под началом маскированного ловчего.

Когда этот кортеж выступил из галлерей и вошел в залу, факелы, в руках слуг, посинели, и псы сразу замолкли. Эти страшные, рыкающие, как тигры, доги с львиной пастью, двигались по пятам хозяина медленно, с опущенной головой, с поджатым хвостом, с трепещущими боками, въ глубоком ужасе устремив глаза на стол, где восседали чудесные гости, бледные, неподвижные и равнодушные, как мраморные маски.

Подойдя ближе, старик глянул на зловещих собутыльников в упор и захохотал во все горло:

— Как живете-можете, hombres y mugeres, и вы, vosotros belle signore, domini et dominae amigos mios?

— Ты поздно пришел,— сказал бронзовый человек.

— Это потому, что у меня был один приятель, которому мне хотелось показать охоту.

— Да, но смотри, — отвѣчал Немврод.

И, протянув большой палец правой руки через бронзовое плечо, он указал в глубину зала. Взгляд Пекопена машинально последовал за рукой великана, и он увидал

вдали, на темных стенах, смутно белевшие стрелы свода, точно там были окна, тронутые первыми лучами рассвета.

— Ну что-ж?—сказал старый охотник:— надо торопиться.

И, по его знаку, несшие факелы, с помощью негров стали уставлять жареного оленя у подножия канделябра.

Тут Пекопен вонзил шпоры в бока коня, который на этот раз его послушался, может быть благодаря приближению дня, отнимающего силу колдовства; конь прошел между столом и рядами слуг. Пекопен поднялся на стременах, вынул меч, глянул в эти зловещие лица, в лицо старого охотника и громовым голосом крикнул:

— Во имя Бога! Кто бы вы ни были, призраки, злые духи, тени, видения, цари или Демоны. Ни шага отсюда! Или, клянусь смертью, и да поможет мне Господь! Я покажу вам всем, покажу и тебе, бронзовый человек, каков железный башмак живого рыцаря, и что бывает, когда он попадет привидению на голову! Я попал въ вертеп призраков, но я буду расправляться здесь по-своему и совершу подлинные и страшные дела! И уж тут с вами церемониться не

стану! А ты, старый негодяй! Старый обманщик! Защищайся, а не то, клянусь обедней, я перережу тебе нутро и выворочу все внутренности, будь ты сам царь Плутон собственной особой!

— Вот и вы, мой дорогой! Стало быть с нами и поужинаете,—сказал старик.

Улыбка, сопровождавшая это любезное приглашение, окончательно взбесила Пекопена.

— Берегись, старый плут! Ты меня обманул! Ты не сдержал обещания!

— Хийо! Дождись конца. Почем ты знаешь?

— Защищайся!

— Уай, дорогой друг! Как вы странно относитесь к событиям!

— Отдай мне Больдур! Ты обещал!

— Кто вам сказал, что не отдам? Но я не знаю, что вы станете делать с ней, когда ее увидите?

— Она моя невеста, ты это знаешь, несчастный! Я женюсь на ней,—ответил Пекопен.

— И выйдет из этого еще одна несчастная пара. Да мне то что? Мне, положим, все равно. Так уж ведется! Скверный пример.

Здесь на земле все самцы и самки берут пример с тех, что наверху, с солнца и луны—никуда негодная пара, вечно врозь.

— Говорю тебе, оставь шутки,—закричал рыцарь,—а не то я истреблю и тебя и всех этих демонов с их богинями и очищу этот вертеп!

— Очисти, мой друг! Вот тебе и рецепт: александрийский лист, ревень, эпсомская соль. Лист прочищает желудок, ревень кишки. Соль промывает.

Яростный Пекопен ринулся на него с поднятым мечом. Но, шагнув вперед, конь под ним дрогнул, пошатнулся и стал оседать наземь. Он огляделся. Холодный и бледный луч рассвета проник в зал и скользнул по голубоватым плитам. Старый охотник все еще улыбался. Он один не двинулся с своего места. Все остальные начали как бы стушевываться. Факелы и свечи угасли. Глаза призраков, ожившие на мгновение во время внезапной выходки Пекопена, больше не глядели, и сквозь гигантское тело великана Немврода, как сквозь стеклянный сосуд, Пекопен различал столбы в глубине зала.

Конь стал почти неосязаем и медленно

таял. Ноги Пекопена почти касались земли.

И вдруг пропел петух. Что то страшное было в этом пронзительном, раскатистом, металлическом пении, прорезавшим слух, как стальное лезвие. Пробежал порыв свежего ветра, конь испарился; рыцарь пошатнулся и едва удержался на ногах. Когда он оправился, все исчезло.

Он был один, на ногах, с мечом в руке, среди поросшей вереском лощины, в нескольких шагах от ручья, который пенился в камнях, у дверей старого замка. Занимался день. Он поднял глаза и испустил крик радости. Этот замок был Фалькенбург.

XV.

ИЗ КОТОРОЙ ВИДНО, КАКОЙ РИТОРИЧЕСКОЙ ФИГУРОЙ ВСЕГО ОХОТНЕЕ ПОЛЬЗУЕТСЯ ГОСПОДЬ БОГ.

Петух пропел во второй раз. Его пение неслось с птичьего двора замка. Тот самый петух, который своим голосом только что разрушил окруживший Пекопена призрачный дворец ночных охотников, в эту самую ночь клевал, быть может, крошки, упавшие из благословенных рук Больдур.

О, могущество любви! Благородная сила сердца, жаркое сияние высоких страстей и прекрасных годов юности. Вместе с зрелищем нежно любимых башен пред Пекопеном предстал свежий и ослепительный образ его невесты; образ, наполнивший его душу светом и рассеявший, как дым, все прошедшие невзгоды, и посольства, и странствия, и королей, и призраков, и

страшную пропасть видений, из которой он только что вышел.

И можно поручиться, что не так, не с поднятой головой и не с горящим взором, выбрался из мира призраков коронованный священник, о котором говорится в Speculum historiale, где рассказано, как он посетил роскошный и мрачный чертог бронзового дракона. Но раз его грозная фигура возникла перед рассказчиком этой истории, мы пошлем ей проклятие и заклеймим этого лицемерного мудреца с его двуликим образом, обращенным одной стороной к свету, а другой к мраку и бывшего для Бога папой Сильвестром II, а для дьявола — волшебником Гербертом.

К предателям, к лицемерам мы обязаны относиться с ненавистью. Это наш долг. Каждый парижанин должен мимоходом бросить камень в Перине Леклерка, каждый испанец — в графа Жюльена, каждый христианин — в Иуду, и каждый человек — в сатану.

И не надо забывать, что Бог неизменно. полагает день подле ночи, добро подле зла, ангела против демона. Из этой неиссякаемой и высокой антитезы вытекает вся суровая наука Провидения. Господь повторяет беспре-

станно: «Выбирайте». В одиннадцатом веке, перед лицом кабалиста, священника Герберта он поставил мудрого и чистого Эмульдуса. Колдун стал папой, святой мудрец—врачом. И под одним небом, в той же эпохе и среди тех же событий люди увидали белоснежную мудрость, облеченную в черные одежды, и темную мудрость, облеченную в белоснежные одежды.

Пекопен вложил меч в ножны и быстро направлялся к замку. Озаренные солнечным лучом, окна замка отвечали улыбкой на улыбку рассвета. Подходя к мосту, от которого теперь осталась одна арка, Пекопен услыхал за спиной голос: «Ну, рыцарь Соннека, разве я не сдержал слова?»

XVI

ГДЕ ГОВОРИТСЯ О ТОМ, МОЖНО ЛИ ПРИЗНАТЬ ТОГО, КОГО МЫ НЕ ЗНАЕМ.

Он обернулся. Два человека стояли среди вереска. Один из них—маскированный ловчий, и Пекопен содрогнулся, когда его увидел. У этого был большой красный портфель, который он держал под мышкой. Другой, хромой и горбатый старикашка, был очень безобразен. Это он говорил с Пекопеном, и Пекопен старался припомнить, где он видел это лицо.

— Однако, рыцарь,—обратился к нему горбатый,—ты кажется меня не узнаешь?

— Нет, узнаю.

— Ну, то-то же!

— Вы невольник с берегов Красного моря.

— Я охотник из леса потерянных шагов

Это был чорт.

— Клянусь честью,— сказал Пекопен,— будьте чем угодно, но так как вы всетаки сдержали слово, я в Фалькенбурге, и сейчас увижу Больдур, я ваш слуга, почтенный мой сеньер, и от искреннего сердца приношу вам мою благодарность.

— Ночью ты обвинял меня. А что я тогда тебе сказал?

— Вы сказали: «Подожди конца».

— Ну, вот. А теперь ты меня благодаришь, а я опять-таки скажу: подожди конца! Ты слишком торопился меня обвинять, а теперь чересчур торопишься благодарить.

При этих словах маленький горбач имел вид необ'яснимый. Чорт· это олицетворение иронии.

Пекопен затрепетал.

— Что вы хотите сказать?

Дьявол указал на ловчего:

— Ты узнаешь этого человека?

— Узнаю.

— Ты его знаешь?

— Нет.

Ловчий снял свою маску. Это был Эрлангус. Пекопен содрогнулся.

Чорт продолжал дальше:

— Пекопен, ты был моим кредитором.

Я у тебя в долгу за этот горб и за хромую ногу. Но я великодушный должник. Я отыскал твоего старого слугу Эрилангуса и справился у него о твоих вкусах. Он рассказал мне, что ты любишь охоту. Я и подумал: «жаль, если этот доблестный охотник не примет участия в нашей черной охоте. Солнце садилось, я встретил тебя на поляне. Это было в лесу потерянных шагов. Я поспел вовремя: карлик Рулон собирался стащить тебя в свою берлогу. А я взял тебя сам.

Пекопен дрожал и не мог удержать своей дрожи.

— Не будь на тебе талисмана,—продолжал чорт,—я бы тебя припрятал. Но пусть все идет своим путем. И месть можно приготовлять под различными соусами.

— Да что же ты хочешь сказать?—с усилием проговорил Пекопен.

Но дьявол продолжал дальше:

— Эрилангуса я сделал своим секретарем. Надо было наградить его за указание, и он получает хороший заработок.

— Злой шут! Да скажи же мне, что все это значит?

— Что я тебе обещал?

— Ты обещал, что на восходе солнца я буду в Фалькенбурге, если одну ночь проведу с тобой на охоте.

— Ты у дверей Фалькенбурга.

— Скажи мне, демон, Больдур умерла?

— Нет.

— Вышла замуж?

— Нет.

— Пошла в монастырь?

— Нет.

— Может быть она меня разлюбила?

— Нет, не разлюбила.

— Ну, если это все так и есть,—воскликнул Пекопен, вздохнув так, точно у него гора с плеч свалилась,—если это правда, будь ты чем хочешь, и кто бы ты ни был, я тебя благодарю.

— Вот и прекрасно,—сказал чорт,—ты доволен, и я доволен.

Сказав это, он схватил Эрлангуса в охапку; потом, закрутив искалеченную ногу за другую и поднявшись на цыпочки, сделал пирует, и Пекопен видел, как он, словно бурав, углубился в землю и пропал через секунду.

Земля, закрывшись за чортом, выпустила из своих недр красивенькое фиолетовое

пламя с зелеными искрами; это маленькое пламя, подскакивая и подпрыгивая, долетело до леса, где на минуту остановилось, зацепилось за деревья и окрасило их тысячами светящихся тонов, точь-в-точь—радуга, когда она пронижет древесные кущи.

XVII

НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ МЕЛОЧИ У ВХОДА.

Пекопен пожал плечами: Больдур жива, Больдур свободна и Больдур меня любит. Чего же мне бояться? Вчера вечером, перед тем, как мне встретиться с этим демоном, я сосчитал, что прошло ровно пять лет с тех пор, как я ее оставил. Стало быть теперь будет пять лет и один день. Она стала еще прекраснее. Женщина— это прекрасный пол. А двадцать лет—это прекрасный возраст.

Во времена прочных привязанностей пятилетняя верность никого не удивляла.

Рассуждая таким образом, он подходил к замку и признавал с радостью каждый выступ его ворот, каждый зубец решеток, каждый гвоздь под'емного моста. Он сознавал себя счастливым и желанным гостем. Порог того дома, который видел нас детьми, улыбается нам при виде нашей зрелости, как довольное лицо родимой матери.

Перебираясь через мост, он заметил у третьего свода великолепный дуб, который сильно перерос парапет.

«Вот странно, — подумал он, — здесь прежде не было дерева».

Но потом он вспомнил, как недели за три до встречи охоты палатина, он играл с Больдур в жолуди и в костяшки, опираясь на парапет, и как раз в этом месте уронил в ров один жолудь.

«Чорт возьми, —подумал он,— из жолудя в пять лет вырос дуб! Вот хорошая земля!»

На ветвях этого дуба взапуски щебетали четыре птицы: скворец, дрозд, сорока и ворон. Пекопен не обратил на них внимания. Также не заметил он и голубя, ворковавшего на голубятне, и курицы, клохтавшей на птичьем дворе. Он думал только о Больдур и торопился.

Солнце взошло высоко, и привратники только что опустили под'емный мост. Пекопен прошел в ворота и тотчас же услышал за спиной громкий и раскатистый взрыв смеха. Он обернулся и осмотрелся во все стороны, но кругом никого. Это чорт хохотал в своей берлоге.

Под сводом был водяной бассейн с зеркальной поверхностью. Рыцарь наклонился и заглянул в это зеркало. После всех мытарств бесконечного путешествия, которое не оставило на нем ничего, кроме лохмотьев, после той встряски, которую он перенес в эту ночь на дьявольской охоте, он боялся на себя взглянуть. Ничуть не бывало. Было ли то действием талисмана султанши, или того элексира, которым попотчевал его чорт, только теперь он стал еще лучше, еще свежее, еще моложе, еще бодрее на вид. Но больше всего удивило его то, что на нем оказалось совершенно новое и роскошное платье. Мысли так перепутались у него в голове, что он никак не мог припомнить, когда его переодели таким образом. Но в таком виде, в одеянии принца, и с лицом светлого гения, он был прекрасен.

Пока он смотрелся в зеркало, удивленный, но радостный и довольный собою, он услыхал второй взрыв хохота еще веселее первого. Он обернулся—ни души. Это чорт хохотал в своей берлоге.

Он прошел главный двор замка. Стражники нагнулись к стенным зубцам. Никто не узнал его, и он никого не узнавал. Слу-

жанки в коротеньких юбках полоскали белье у чанов с водою. Они обернулись. Ни одна не узнала его, и он ни одной не узнал. Но у него был такой прекрасный вид, что никто его не остановил. Благородная наружность—залог благородной природы.

Он хорошо знал дорогу и направился прямиком к лестнице с башенкой, которая вела в комнаты Больдур. Когда он проходил двор, ему показалось, что фасад замка потемнел и потрескался, а плющ на северной стене разросся непомерно, и на южной стене сильно погустели виноградные лозы.

Но что такое почерневшие плиты и погустевшая листва? И как они могут смутить любящее сердце?

В башенке он не сразу нашел дверь. Лестница была винтообразная, в круглой висячей башне. Перед самым от'ездом Пекопена, отец Больдур позаботился обновить вход прекрасным белым гейдельбергским песчаником. И вход этот, отделанный по расчетам Пекопена всего пять лет назад, теперь весь почернел и растрескался, а под навесом приютились ласточкины гнезда. Но что такое ласточкины гнезда и как они могут смутить любящее сердце?

Еслиб молния имела обыкновение бегать по лестницам, я бы сравнил с ней Пекопена. В одно мгновение он очутился в пятом этаже, возле двери ее покоев. Эта дверь не почернела и не изменилась: веселая, сияющая, ни пятнышка; металлические отделки блестят, как серебро, резьба чиста, как взоры юной девушки. И сразу видна та самая девственная дверь, которую молодая шатлэна не забывает мыть и чистить каждое утро руками своих прислужниц. Ключ торчал в скважине замка, как будто Больдур ждала Пекопена.

Ему оставалось только взяться за ручку и войти в комнату. Но он остановился. Он задыхался от радости, нежности и счастья, а также и оттого, что взбежал в пятый этаж. Пятна розового пламени проносились у него перед глазами, и ему казалось, что они освежают ему лоб. В голове у него шумело, кровь билась в висках.

Когда первое волнение улеглось, все стало в нем затихать, и он начал прислушиваться. Как выразить умиление этой бедной души, опьяненной любовью? За дверью он услыхал шелест прялки.

XVIII

ГДЕ СУРОВЫЕ ДУХИ ВНУШАЮТ НАМ ПОНЯТИЕ О САМОЙ ОСКОРБИТЕЛЬНОЙ ИЗ ВСЕХ МЕТАФОР.

Впрочем, может быть это и не ее прялка. Могла прясть которая нибудь из ее женщин, так как рядом с этой комнатой была у Больдур молельня, где она проводила, часто, целые дни. Пряла она много; но молилась еще больше. Все это Пекопен помнил, но, всетаки, с тем же восхищением он продолжал прислушиваться к шуму колеса.

Такие минуты сотканы из восторга, который заставляет медлить, и из нетерпения, которое увлекает вперед. Равновесие длится несколько мгновений, потом наступает миг, когда нетерпение уносит. Трепещущий Пекопен положил руку на ключ, повернул его в замке, и дверь открылась.

Он вошел.

«Да! — подумал он, — вот я и ошибся, это не Больдур пряла».

И в самом деле, в комнате кто то прял, но это была старая женщина. Мало сказать старая женщина; это была старая фея, потому что одни феи достигают такого баснословного возраста и такой вековой дряхлости, так как этой дуэнье и не могло быть менее ста лет. Представьте себе, если можете, жалкое маленькое существо человеческой или сверхчеловеческой породы; существо скрюченное, сгорбленное, разбитое, ржавое, пятнистое, изможденное, волосы и брови белые, губы и зубы черные; существо костлявое, облысевшее, землистое, трясущееся и отталкивающее. Если же вы захотите иметь точное понятие о том, каково было это лицо, где тысячи морщин стянулись ко рту, как колесные спицы, вообразите, что перед вами ожила беспощадная метафора древних латинян, anus. Это почтенное и страшное существо сгорбилось у окошка за прялкой и сидело с веретеном в руке, уподобляясь Парке.

Достойная дама была, повидимому, глуха, так как, при шуме отворившейся двери, она не шевельнулась.

Тем временем рыцарь, сняв свой берет и перевязь, как и подобает в присутствии особ преклонного возраста, сказал, шагнув вперед и обращаясь к даме:

— Госпожа дуэнья, скажите мне пожалуйста, где Больдур?

Столетняя дама подняла глаза, уронила прялку, затрепетала, испустила слабый крик, приподнялась со стула, простерла к Пекопену длинные руки скелета, устремила на него мертвенный взор и глухим загробным голосом произнесла:

— Боже праведный! Рыцарь Пекопен! Что вам нужно? Вы пришли требовать молитв за упокой души? Господи Создатель! Да ведь вы давно умерли, рыцарь Пекопен! И это вернулась лишь тень ваша!

— Нет, почтенная госпожа, клянусь Богом,—отвечал Пекопен, смеясь и говоря как можно громче, чтобы Больдур, если она была в молельне, могла его услышать:— нет, я не умер, я жив, и это не тень моя, это, с вашего позволения, я сам, здоровое привидение из мяса и костей. И молитв мне не нужно, а нужен мне поцелуй моей Больдур, моей невесты, которую я люблю больше прежнего. Вы слышите это, почтенная моя дама?

Не успел он произнести этих слов, как старуха кинулась ему на шею.

Это была Больдур.

Увы! Ночь бесовской охоты протянулась на сто лет.

Благодаря Богу или чорту, Больдур не умерла. Но когда Пекопен, ставший еще моложе и прекраснее, увидел ее снова, бедной девушке было сто лет.

XIX

ПРЕКРАСНЫЕ И МУДРЫЕ РЕЧИ ЧЕТЫРЕХ ДВУНОГИХ ФИЛОСОФОВ, ОДЕТЫХ ПЕРЬЯМИ.

Обезумевший Пекопен бросился бежать. Он ринулся с лестницы, перелетел двор, откинул дверь, перебежал мост, вскарабкался на вал, перескочил ров, перепрыгнул поток, продрался сквозь кусты, взобрался на гору и скрылся в лесу Соннека. В смятении, в отчаянии, ужаснувшийся, безумный, он метался таким образом весь день. Он продолжал любить Больдур, но этот призрак наводил на него ужас. Он больше не мог собрать мыслей; где была его память, его сердце? Когда наступил вечер, он направился к башням родного замка и там, разодрав роскошные издевательские одежды, в которые нарядил его дьявол, он швырнул их в глубокий ручей Соннека. Потом

он стал рвать на себе волосы и вдруг заметил, что держит в руке клок седых волос. В ту же минуту дрогнули у него колени, скрючились бока; ему пришлось опереться на древесный ствол; его руки покрылись морщинами. В безумном отчаянии, не помня себя, он сорвал свой талисман, разорвал цепь и бросил все это в ручей вместе с одеждой.

И тотчас сбылись предсказания черной невольницы. Он состарился на сто лет в одно мгновенье. Утром он лишился любви, вечером лишился юности. И где то, за его спиной, в третий раз в этот роковой день раскатился взрыв хохота. Это чорт хохотал в своей берлоге.

Что оставалось ему после такого упадка? Он поднял с земли палку, оставленную кем то из дровосеков, и, опираясь на эту палку, тяжело побрел к своему замку, который, на счастье, был недалеко. Подойдя ближе, он увидел при последних лучах заката, скворца, сороку, дрозда и ворона, которые взгромоздились на крышу между флюгерами и, как будто, его поджидали. Тут же услышал он воркованье голубя; голубя не было видно, но он повторял: «Больдур! Больдур!» И услышал клохтанье

курицы; курицы не было видно, но она повторяла: «Пекопен, Пекопен, Пекопен!» И вспомнился ему тот сон, который снился ему в Баккара, и те слова, с которыми обратился к нему,—сто лет назад!—старик, убиравший вдоль стены зимнее топливо: «Государь,—говорил тогда этот старик:—на молодой слух дрозд свищет, скворец лопочет, сорока стрекочет ворон каркает, а на старый слух— птицы говорят». Тогда Пекопен стал прислушиваться, и вот что он услышал:

Дрозд.

Вернулся охотник. Идет сюда.

Скворец.

Уехал на день. Прошли года.

Ворон.

Охотился три дня. Убил без труда
Ястреба, коршуна и орла.

Сорока.

А лучше бы, лучше в любовный плен
Тебе отдаться, сир Пекопен.

Кура.

Пекопен! Пекопен!

Голубь.

Больдур! Больдур! Больдур!

КАТАЛОГ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛКОНОСТ».

АЛЕКСАНДР БЛОК.

«Соловьиный Сад». *(Распродано).*

«Двенадцать» с рис. Ю. Анненкова. *(2-ое изд. распродано).*

«Катилина». Страница из истории мировой революции.

«Ямбы» Современные стихи.

«Россия и Интеллигенция». Статьи *(Печатается).*

«Песня судьбы». Драматическая поэма *(Печатается).*

«Молнии искусства» (Итальянские впечатления) *(Готовится).*

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ.

«Христос Воскрес». Поэма.

«На перевале».

1. Кризис жизни».
2. Кризис мысли.
3. Кризис культуры *(Печатается).*
4. Кризис слова *(Готовится).*

«Путевые заметки».

1. Сицилия *(Готовится).*
2. Тунисия *(Печатается).*
3. Радес *(Готовится).*
4. Мусульманство и Культура в Тунисии *(Печатается).*
5. Египет *(Готовится).*

«Королевна и рыцари». Сказки *(Печатается).*

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ.

«Младенчество».

«Прометей». Трагедия *(Печатается)*.

«Скрябин» *(Печатается)*.

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ.

«Нет!» Разсказы. Посмертное издание под ред. Вячеслава Иванова.

«Певучий осел» *(Печатается)*.

«Лирическое в прозе и стихах» *(Готовится)*.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ.

«Сибирский пряник». Сказки.

«Кавказский чурек». Сказки *(Печатается)*.

«Цепь златая». Повести *(Печатается)*.

«Бисер малый». Присловцы *(Печатается)*.

«Скрижали». Заветные сказки. Издание по подписке *(Печатается)*.

АЛЕКСЕЙ КИРИЛЛОВ.

«Записки Всеволода Николаевича».

ВИКТОР ГЮГО.

«Легенда о прекрасном Пекопене и о прекрасной Больдур». Перевод А. Кублицкой - Пиотух. Предисловие Александра Блока *(Печатается)*.

Р. ИВАНОВ-РАЗУМНИК.

«Александр Блок и Андрей Белый».Статьи.

«ЗАПИСКИ МЕЧТАТЕЛЕЙ» № 1. Журнал, посвящ. литературе и искусству при участии: Александра Блока, Андрея Белого, Вячеслава Иванова, Вс. Э. Мейерхольда, Алексея Ремизова, Вл. Н. Соловьева. ред. Александр Блок *(Печатается)*.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ.

«Электрон» *(Печатается)*.

КОНСТ, ЭРБЕРГ. Цель творчества *(Печатается)*.

Цена 10 руб.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
КНИЖНЫЙ СКЛАД ОТДЕЛА СНАБЖЕНИЯ НАРКОМПРОСА
ФОНТАНКА, 61.